

Интервью с Романом Семеновичем МОГИЛЕВСКИМ

«Я БЫ НАЗВАЛ СЕБЯ СОЦИОЛОГОМ–КОНСУЛЬТАНТОМ...»

Могилевский Р. С. – окончил юридический факультет ЛГУ, кандидат философских наук, научный руководитель Агентства социальной информации, Санкт-Петербург. Основные области исследования: общественное мнение, анализ рынка. Интервью состоялось в 2005-2006 годах.

Вообще говоря, я мог бы сам написать о том, что в постперестроечное время было сделано Романом Семеновичем Могилевским. Хранящийся у меня архив нашей электронной переписки, начавшейся ранней весной 1999 года, насчитывает сотни писем разной длины: от нескольких слов до многих страниц. Это и обсуждение научных вопросов, и просто разговоры «за жизнь». Кроме того в начале 2000-х я принимал участие в нескольких аналитических проектах, выполнявшихся его исследовательскими организациями, участвовал в двух проведенных им в Петербурге научных конференциях и множество раз встречался с ним в неформальной обстановке.

В 1988 году Роман, будучи сложившимся ученым, руководителем крупных исследовательских проектов и автором большого числа научных публикаций, круто изменил направление траектории своей жизни. Он оставил знакомую, но представлявшуюся ему мало перспективной область финансируемой государством науки и ушел в лишь зарождавшуюся сферу научного бизнеса. И этот переход оказался успешным.

Могилевский Р. С.: «Я бы назвал себя социологом—консультантом...»¹

Задавать вопросы было проще, чем находить ответы

Когда и как у тебя появился интерес к устройству общественной жизни?

Очень рано, в детстве. Сначала возник интерес к вопросам «общей жизни», к тому, что происходило за пределами семейного круга. Этому способствовала атмосфера в семье, разговоры и обсуждения различных событий, моя любовь к художественной литературе. Газеты читал постоянно, радио было включено с утра до позднего вечера. Легко было стать рабом пропаганды. Но официальные оценки одних и тех же событий часто менялись, не сходились концы с концами. В этих условиях возникал естественный вопрос: почему? Кроме того, то, что говорилось и писалось, в большинстве случаев не совпадало с тем, что сам наблюдал и чувствовал, возникало ощущение фальши, обмана, всеобщей лжи. Гораздо позже мне попала толстая книга одного русского священнослужителя, названная им «Ложь как образ жизни коммунистов» — мне она показалась очень точной и объективной. Когда оценка того или иного факта или события представляется ложной — это ведь не только результат анализа, но и эмоциональная реакция, часто предшествующая трезвому размышлению. Думаю, что каждый человек на эмоциональном уровне легко отличает ложь от правды. Другое дело, что он дальше «делает» с этим ощущением. Меня это заставляло задавать себе непростые вопросы «общего характера» и искать на них ответы. Конечно, задавать вопросы было проще, чем находить ответы. Но поиски ответов — это не плохая школа для человека, когда формируются его представления о том, чем он будет заниматься в будущей жизни.

Расскажи о своей семье, где ты родился, где заканчивал школу...

Я родился в 1938 г. в Одессе. Мать Фаина Марковна Резник работала медсестрой, а отец Семен Исаевич Могилевский по образованию энтомолог, по профессии фитопатолог. В 1940 г., практически перед самым началом войны, отец защитил кандидатскую диссертацию и опубликовал несколько книг. С началом войны отец ушел на фронт. В 1942 г. при вторичном взятии немцами Ростова-на-Дону он погиб в бою. Мы с матерью были эвакуированы в Башкирию. Жили в небольшом башкирском городе Бирске. Мать работала в воинской части вольнонаемной. Сразу после окончания войны воинскую часть перевели в Ленинград, разместили в пригороде в г. Пушкине. Здесь я прожил большую часть своего детства и юности, здесь поступил в школу, которую окончил в 1956 г. Два года проработал электромонтером в Военно-морском училище, затем поступил в Ленинградский государственный университет.

Можно ли сказать, что детские, подростковые впечатления, рассуждения повлияли на твою профессию?

Не думаю. Пожалуй, ими объясняется только вектор поиска. Мне было ясно, что выбор должен касаться гуманитарных профессий, легко дававшихся мне в школе. Технические — совсем не были интересны, литература, которой очень увлекался в ранней молодости, так и осталась первой любовью, не более того. С другой стороны, дисциплины, которые могли бы рассказать об обществе и его проблемах, тогда в школе не преподавались. История, которая могла бы стать главным интересом, самым вульгарным образом расправлялась со своим предметом, от чего тошнило. Незадолго до окончания школы свой выбор остановил на юриспруденции — единственной

1 Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 2. С. 2–13.

науке, которая казалась мне интересной с точки зрения будущих занятий. Возможно, определенную роль в формировании интереса к будущей профессии сыграло чтение сборников речей старых русских юристов А. Кони, Ф. Плевако. Эти книги можно было найти в библиотеках даже в то время. Нравились логика, прекрасная риторика, умение видеть за фасадом различных уголовных дел внутренний смысл и мотивы поступков людей. К тому же, эта профессия, казалось, не была подвержена конъюнктуре, без нее не могло обойтись ни одно государство. Чьи интересы обслуживала юридическая наука и практика и как трактовала свою миссию — об этом в тот период я не очень задумывался.

Мы с тобою одного поколения, но я не помню, чтобы в школах интерес к гуманитарным наукам был велик

Я сказал бы, что в разные периоды моего «школьного детства», а оно продолжалось с 1946 по 1956 гг., предпочтения моих сверстников менялись. К окончанию мной школы математические и технические дисциплины в жизненных планах школьников доминировали. По моим наблюдениям, гуманитарным дисциплинам отдавались предпочтения в сталинский период и сразу после. Небольшие либеральные веянья в постсталинский период оживили интерес к точным и техническим наукам. С моей точки зрения, в этом заключался определенный парадокс, имеющий разные объяснения. Я предложу свое.

Идеологические контексты, которые внушались обществу и рядовым гражданам, касались именно гуманитарных, философских и экономических проблем. Власть пыталась выстроить систему аргументов, направленных на идеологическую самозащиту, самооправдание, транслируя эти аргументы через средства массовой информации, по каналам школьного и вузовского образования, через произведения искусства. Обществу был навязан смысловой и ценностный контекст, задававший критерии высокого и низкого, хорошего и плохого, правильного и ложного. Это касалось и представлений о том, какие профессиональные карьеры «правильные».

Правильным было изучать труды основоположников марксизма-ленинизма, нести их в массы. Эти планы не были ментально связаны с положением на рынке труда, стремлением достичь успеха, добиться хорошей жизни. Лозунг: «прежде думай о Родине (партии, вожде), а потом о себе» — делал свое дело. Конечно, речь идет о социальных намерениях, а не о том, как выстраивались профессиональные карьеры в реальности. Но, с другой стороны, нельзя не признать доминирование гуманитарных увлечений среди школьной и вузовской молодежи в те годы. Что касается предпочтений технических и физико-математических специальностей в постсталинский период, то рискну сделать предположение, что оно объяснялось тем, что эти специальности трактовались молодыми людьми как относительно свободные от идеологического влияния.

Ты хорошо учился, сразу поступил в Университет?

Учился по-разному, но к экзаменам собирался, поэтому итоговые оценки всегда были более чем хорошими. По окончании школы подал документы на юридический факультет ЛГУ. С первого раза не поступил, но, отработав два года, предпринял еще одну попытку, набрал максимальное число баллов и был принят. Было это в 1958 г.

Какие у тебя воспоминания об учебе в Университете на юридическом факультете?

Мне очень повезло. Я застал на факультете и активно поддерживал со своими друзьями атмосферу студенческой жизни, которая характеризовалась радостным и веселым общением, острыми спорами, интересом к новому опыту и знаниям, к знакомству с забытыми науками и учебными дисциплинами, с запрещенными авторами

и точками зрения. Возникали необычные инициативы как во вне учебной жизни, так и в учебном процессе (которые, впрочем, позже часто признавались идеологически вредными, но в тот период особых бед их авторам не приносящими). Я говорю, что мне повезло, потому что вскоре эту атмосферу власти сильно поменяли. На факультет стали принимать только молодых людей, пришедших из армии или с производства, более взрослых, более серьезных, коренным образом изменивших стиль студенческого общения. Началось закручивание гаек в стране, и, конечно, это не могло не отразиться на атмосфере обучения на факультете. Но всё изменить было уже невозможно.

На факультете продолжали работать и вести студенческие научные кружки Алексей Иванович Королев, бывший в то время деканом, Леопольд Иоганович Каск, Олимпиад Соломонович Иоффе, Михаил Давидович Шаргородский, крупнейшие специалисты и замечательные преподаватели, открывавшие новые горизонты науки и профессиональной деятельности. Л.И. Каск, потерявший на фронте обе руки, был одним из самых, как бы сейчас сказали, креативных ученых факультета. Именно он вел студенческий кружок «Кибернетика и право», где возникал абсолютно новый контекст понимания правовой реальности. В рамках этого кружка возник интерес к изучению проблем социологии права, к работам Е. Эрлиха, русских ученых Л.И. Петражицкого, Н.С. Тимашева, Н.С. Коркунова и др., положивших основу русской версии социологии права. Мы стали искать в библиотеках книги этих и других авторов, связывающих правовые реальности с реальностями «естественной жизни», у нас возникал более общий интерес к тому, что составляло предмет на тот момент запрещенной науки — социологии.

Существенную роль в формировании социально-ориентированного мышления у студентов играли лекции Королева, умевшего органично связывать изменения в системе права с социально-историческими изменениями. Именно факультет оказал решающее влияние на формирование научных интересов как моих собственных, так и моих друзей и сокурсников. И они, как позднее случилось, вышли за пределы «базовой компетенции» факультета, готовящего практических работников правовой системы и ученых-правоведов.

Следуя этим интересам, многие выпускники впоследствии преуспели в смежных областях науки. Упомяну своих близких друзей: Павел Николаевич Лебедев стал крупнейшим специалистом в области общей теории социального управления; Юрий Алексеевич Суслов был одним из инициаторов реабилитации и развития социологии девиантного поведения, много работал над проблемами социологии организации, одним из первых смело вводил в наш научный оборот зарубежный опыт исследований в области социологии права; Эдуард Афанасьевич Фомин после бурного интереса к проблемам теории систем и использованию в праве идей кибернетики проявил себя как крупный ученый, создавший оригинальные версии теории права и разработавший ряд интересных концепций в области специальных социологий. К сожалению, жизнь этих людей была короткой, а настоящее признание — я уверен — их еще ждет. Мне же выпало счастье сотворчества с этими людьми.

Что интерес к социологии сформировался у тебя в студенческие годы?

Скажем, уточнялся вектор интереса. Но прежде, чем этот интерес перерос в профессиональный выбор, были три года работы следователем в Следственном управлении Министерства охраны общественного порядка (так тогда называлось МВД) по Ленинграду, куда я попал по распределению. Тогда мне казалось, что годы работы в МВД пройдут зря, бессмысленно; это был способ остаться в Питере, но ни интереса, ни желания работать не было. Теперь же, с высоты прожитых лет я воспринию эту работу иначе. Я получил уникальную возможность увидеть изнутри, как функционирует большая бюрократическая система, как влияют социально-политические институты

«общего назначения» на реализацию правоохранительных функций. Много из того, что впоследствии было прочитано у Т. Парсонса и Р. Мертона, пришлось наблюдать воочию. Для меня неформальные и формальные структуры, латентные и явные функции и прочие понятия структурно-функционального анализа предстают в виде лиц, событий и определенных действий той организации, в которой я работал. Это дало мне не мало для профессионального самоопределения, но я почувствовал большое облегчение, когда, отдав три года этой работе, сумел от нее избавиться.

В годы работы в МВД тебе не предлагали вступить в КПСС, ведь ты не был членом партии?

При поступлении на работу я не был членом КПСС, в тот период при МООП был создан новый большой департамент — Следственное Управление, нужны были люди. Поэтому дополнительных препятствий не создавалось. Но через определенное время мне предложили вступить в партию. Тогда я спросил, будет ли это совместимо с тем, что я собираюсь после трех лет работы уйти из «органов». Для человека, не желающего вступать в партию, это был самый сильный, а иногда и единственный ход. С того времени ко мне больше с подобными предложениями не обращались.

Кроме того, определенное влияние оказало и то, что я, случалось, конфликтовал с начальством по поводу квалификации тех или иных преступлений и порядка принятия решений относительно движения уголовных дел. Хотя мои непосредственные начальники были весьма квалифицированными юристами, заведенный порядок не позволял им считаться с самостоятельной ролью следователя, закрепленной в УПК. Над ними тоже были начальники, которые такое поведение не одобрили. Фактически их слово было последним при квалификации преступлений. Если учесть, что в те годы (как, впрочем, и сейчас) в абсолютном большинстве случаев суд шел на поводу у следствия и государственного обвинения, судьба подозреваемого часто решалась на административном уровне, а не на уровне работы следователя. С этим я мириться не мог. И дело даже не в принципах, а в том, что на моих глазах были сломаны судьбы людей, которые, с моей точки зрения, были невиновны. Я вступал в споры, иногда острые. Начальство не могло этому радоваться. Так что и в партию вступить не заставили и не чинили препятствий, когда, проработав три года, я уволился из МВД.

Два десятилетия работы в НИИКСИ

Как складывалась в дальнейшем твоя карьера?

После окончания срока работы по распределению я уволился из Следственного управления. К тому времени мои друзья, кто отслужив в армии, кто по распределению, стали работать в Институте комплексных социальных исследований (НИИКСИ) при ЛГУ. Мне захотелось к ним присоединиться. В тот период (а это был 1966 г.) Институт находился под неусыпным контролем парткома и отдела кадров ЛГУ, и попасть в него человеку с фамилией Могилевский было весьма непросто. Несмотря на поддержку одного из проректоров ЛГУ, помнившего меня еще со студенческих лет и знавшего о моих успехах в учебе, потребовалось шесть месяцев, чтобы начальник отдела кадров ЛГУ С.И. Катькало и тогдашний директор Института В.Я. Ельмеев согласились принять меня на работу. В течение последующих 22 лет я работал в НИИКСИ. Начал с должности младшего научного сотрудника и закончил и.о. заведующего социологической лабораторией.

Тебе снова повезло: НИИКСИ был одним из первых институтов, в которых после долгого перерыва стали осуществляться эмпирические социологические исследования.

Безусловно, этот институт займет важное место в послевоенной истории

становления социальной науки в стране. Он был образован в конце 1965 г. как межфакультетская структура Ленинградского государственного университета в результате слияния нескольких существовавших при факультетах лабораторий, а также открытия новых. Это были различные по профилю деятельности структуры, занимающиеся психологическими, экономическими, юридическими, социологическими и культурологическими исследованиями. Некоторые лаборатории возникали по проблемному принципу, например, лаборатория проблем молодежи. Такой принцип объединения научных дисциплин в рамках одного научного плана получил название комплексность. Предпринимались попытки научного обоснования принципа комплексности, впрочем, не очень удачные. Тем не менее, комплексность, даже в форме эклектического объединения разных предметов и методов, стала органической чертой организации работы в институте и нашла отражение в его названии.

Ты не в курсе, как удалось создать НИИКСИ, получить на это разрешение властей?

Скорее всего, существовал личный интерес каких-то научных боссов в создании новой организационной структуры внутри Университета, могли быть какие-то корпоративные резоны. Но главное, с моей точки зрения, не это. В те годы в стране во всю давали о себе знать проблема снижения «эффективности общественного производства», низкая эффективность труда, дефицит товаров народного потребления, низкий уровень жизни. Политическое руководство того времени предложило обществу свое объяснение происходящему. Оно склонно было считать, что все дело в низкой дисциплине труда, высокой текучести кадров и других негативных проявлениях «человеческого фактора». Несмотря на стремление изменить ситуацию административными, организационными и пропагандистскими методами, проблемы не решались. Тогда-то и появилась идея комплексной детерминации поведения работников и комплексного воздействия на поведение для повышения эффективности труда. Эта идея нашла воплощение в практиках разработок планов социального развития коллективов и сопутствующих этому научных исследованиях.

Несмотря на утопичность этих практик, они дали серьезный толчок развитию ряда научных направлений. Идея социального планирования стала ключевой в работе НИИКСИ, а исследования и разработка планов — главным направлением его научной деятельности. Таким образом, институт был создан под актуальный социальный заказ, а идея его создания в этом контексте пользовалась благосклонностью политического руководства города и администраторов Минвуза. Конечно, деятельность НИИКСИ отнюдь не сводилась к работе над планами социального развития, институт занимался сугубо научными направлениями (например, работы социологической лаборатории над проблемой социализации, юридической — в области социологии права). Но социальное планирование являлось визитной карточкой НИИКСИ и хорошим аргументом в отстаивании необходимости его самостоятельного существования, а такие дискуссии велись достаточно часто: противников самостоятельного существования института из числа университетских деятелей было предостаточно. Кроме того, эта тематика послужила хорошим идеологическим прикрытием для работ в других областях, в частности, для масштабного использования эмпирических социологических исследований. Это позволило в подцензурных условиях осуществлять сбор эмпирических данных, адекватно раскрывающих социальную реальность того времени, и одновременно развивать методологию, интегрировать собственный и зарубежный опыт проведения социологических исследований.

Кого из крупных ученых, работавших в те годы в НИИКСИ, ты мог бы сейчас назвать?

Их было немало. Достаточно назвать Владимира Александровича Ядова,

крупнейшего социолога нашей страны, который некоторое время работал в социологической лаборатории; лидера советской психологической науки, академика Бориса Григорьевича Ананьева; юриста, академика Джангира Алиббасовича Керимова, который одно время был директором института, психологов Евгения Сергеевича Кузьмина, Иосифа Марковича Палея, Анатолия Леонидовича Свенцицкого, Игоря Павловича Волкова. В институте работали такие известные всей стране специалисты, как экономист Владимир Романович Полозов, социолог, правовед Лев Иванович Спиридонов, социолог, специалист по проблемам молодежи Владимир Тимофеевич Лисовский, юрист Яков Ильич Гилинский, ныне один из крупнейших мировых экспертов в области девиантологии. В тот же период сформировались как высококлассные специалисты тогда еще молодые Павел Николаевич Лебедев, Юрий Алексеевич Сулов, Эдуард Афанасьевич Фомин, Валентин Евгеньевич Семенов, Елена Эмильевна Смирнова, Николай Генрихович Скворцов, ныне декан Социологического факультета СПбГУ, Зинаида Васильевна Сикевич, Лариса Андреевна Баранова, Александр Николаевич Шаров и многие другие. Впоследствии многие продолжили работу в других научных учреждениях, где получили высокое научное признание. Возможно, не всегда признание вклада в науку некоторых сотрудников института было адекватно их реальным заслугам. Уверен, пройдет время, и многие из тех, с кем мне довелось работать, займут достойное место в истории науки.

Что стало предметом твоих собственных исследований?

Я начал работу в юридической лаборатории НИИКСИ, которая в тот период работала над тематикой социальной обусловленности права. Руководителем лаборатории был Владимир Васильевич Орехов, ныне доктор юридических наук, профессор. Наша исследовательская работа состояла не столько в анализе законодательства, сколько взаимодействия правовых норм с социальной реальностью, в исследовании социальной эффективности права. Конкретным предметом исследований стала дисциплины труда как актуальная и комплексная социально-обусловленная проблема.

С коллегами по лаборатории я занимался проблемой социальной обусловленности дисциплины труда и социальных факторов ее укрепления. На предприятиях проводились эмпирические исследования, публиковались научные работы. Я довольно плотно работал над этой проблемой. Итогом явилась диссертация на тему «Социологические проблемы социалистической дисциплины труда», которую я защитил в 1984 г. В диссертации я пытался обосновать тезис, что дисциплина труда это некоторая производная от того, как устроено общество и труд, и что никакими организационными и административными мерами ситуацию не изменить, пока не изменятся общие условия функционирования общества и трудовой деятельности. С моей точки зрения, дисциплина труда не являлась проблемой правовой науки и, даже, социологии права. Она была макросоциальной проблемой и требовала общетеоретического описания средствами общесоциологической теории. Написано это было без прямых выводов и политических инвектив, так что защита прошла без проблем.

Новые планы лаборатории, которые тогда «спускались сверху», касались правового обеспечения планов социального развития предприятий, а в дальнейшем крупных городов. Более всего меня привлекала работа над проблематикой планирования городов, в русле которой я с коллегами стал заниматься проблемами социологии преступности. Мне кажется, что для меня эта тематика до сих пор является одной из наиболее интересных направлений профессиональной деятельности. Эта научная дисциплина с длительной историей, представленная замечательными авторами, богатая разнообразными научными концептами. В процессе работы над

этой тематикой я познакомился с замечательными работами криминологов чикагской школы, с классической работой Э. Дюркгейма «Самоубийство», с работами русских дореволюционных криминологов. Вместе с Суловым мы опубликовали статью по социально-пространственным аспектам преступности, навеянную работами криминологов чикагской школы. Кажется, впервые в наш научный оборот вводились представления о существовании в СССР пространственных аспектов воспроизводства социальной структуры, о территориальных проблемах социального неравенства и их связи с преступностью. Криминальные эффекты выводились из факторов социального расселения общественных групп и их взаимодействия. Это не только формировало более точное представление о социальной обусловленности преступности, но и давало представление о взаимосвязи различных типов преступности и других проявлений девиации. Работа над этой проблематикой позволила мне написать и опубликовать в Великобритании и Франции небольшой текст, в котором был предложен, с моей точки зрения, абсолютно новый концепт, объясняющий взаимодействия общества и преступности без привязки к теории права. Этой публикацией я до сих пор горжусь.

Как складывалась твоя карьера с конца 1970-х гг.?

Я не могу сказать, что мои способности не были замечены в Институте. Впрочем, это никак не сказывалось на моей профессиональной карьере и материальном положении. Должностному росту мешали отсутствие партийности, национальность, а строптивость характера отталкивала начальство. Несмотря на покровительство некоторых важных персон из институтской администрации, даже освобождающиеся вакансии мне не предлагались. Лишь в конце 1970-х гг., благодаря ходатайству доктора юридических наук Ильи Григорьевича Филановского, «сосланного» в институт с юридического факультета ЛГУ на должность руководителя хоздоговорной группы, мне предложили стать его заместителем. После его отъезда за рубеж, я возглавил эту группу, объединявшую сотрудников разных лабораторий вокруг исследования проблем социального развития крупных городов.

Подобная работа потребовала от меня освоения навыков управления большой группой специалистов разного профиля, а также изучения теории и опыта планирования и комплексного решения проблем развития городов. Одновременно формировался интерес к проблеме качества жизни населения крупного города как некоего интегрирующего концепта для всех направлений исследований и составления комплексного плана. Наряду с литературой, которая публиковалась по этой проблеме у нас в стране и касалась главным образом критики буржуазной концепции качества жизни, (что, впрочем, не мешало нам находить в этих книгах много важной информации об опыте исследований за рубежом), был переведен и опубликован ряд работ, посвященных городам, прежде всего, публикации ученых так называемого Римского клуба. Важную роль в становлении моих собственных представлений о развитии крупных современных городов сыграла книга Э. Форрестера «Динамика развития города».

Эта литература, а также работы ленинградских ученых позволили специалистам НИИКСИ сформулировать эффективный прикладной концепт комплексного социального планирования. Он явился основой разработки Институтом комплексных планов социально-экономического развития Мурманска, Калуги, Пензы, Орла и других городов. Научными руководителями этих работ явились доктора экономических наук В.Р. Полозов, Б.Р. Рященко, В.Я. Ельмеев, А.С. Пашков. Они осуществляли общенаучную разработку методологических основ комплексного социального планирования в русле марксистской традиции. Мне не кажется, что разработанная ими методология сыграла сколько-нибудь важную роль в работе над планами социального развития конкретных городов. Здесь требовались конкретные знания и эффективные

теории среднего уровня. Впрочем, для меня наиболее важным элементом социального планирования явилась сама возможность проводить эмпирические социологические, социально-психологические, юридические и экономические исследования, получать и осмысливать информацию, которую в тех условиях другими способами мы не могли бы ни собрать, ни использовать для обоснования теоретических и практических выводов.

Работа над этой тематикой позволила мне написать книгу [1], как мне кажется, одну из первых в стране, по проблематике качества жизни населения крупного города. Главная мысль книги состояла в том, что объективно у жителей крупных городов формируются новые потребности или меняется характер старых, и этот процесс оказывает решающее влияние на оценку людьми своего социального благополучия и последующую социальную динамику. Государственные и общественные институты и системы принятия решений не давали адекватный ответ на социальный запрос, даже сохранение прежних условий уже не рассматривалось людьми как удовлетворяющая людей стратегия. Копилось недовольство, неудовлетворенность, пессимизм, девиации и протест. Даже осторожная оценка качества жизни в тот период позволяла предположить скорые социальные изменения.

Как и большинство книг того времени, моя монография была рассчитана на читателя, умеющего читать междустрок. Не обошлась она и без ритуальных заклинаний, с которыми мне сильно помог редактор, — без этого вряд ли она бы увидела свет, (хоть и шел 1985 г., но в Университете свое летоисчисление), но в целом книга честная и в некоторых частях представлявшая оригинальный взгляд на известные и новые проблемы.

Так что, если говорить о моих интересах в академической науке, то можно выделить социологию права, теории организации, социологические проблемы развития города и проявлений городской преступности, главный же направление научных интересов — концепция качества жизни и социальных индикаторов. Когда я уходил из Института, у меня было опубликовано свыше 100 научных работ, но по настоящему ценными я считаю не более десятка публикаций.

По пути, проложенному Гэллапом

Что стало причиной того, что ты ушел из НИИКСИ в совсем новую область — независимые социологические службы?

Отчасти это было связано с трудностями карьерного роста и низкой зарплатой, но главное, со стремлением заниматься тем, чем хотелось, без дурацких «указаний сверху». Государственный институт даже в новых условиях казался мне большой бюрократической системой, достаточно безразличной к существу работы. Его функции по большей части сводились к «освоению бюджетных средств» и созданию рабочих мест для «хороших (своих)» или «плохих (не своих)», которых иногда «ссылали» в институт, людей. Освоил, создал — хорошо работаешь, не освоил, не создал — плохо. Один мой друг попал в офис Министерства высшего образования СССР сразу после событий 1991 г. Он наткнулся на старые отчеты НИИКСИ, внешний вид которых с очевидностью свидетельствовал о том, что их никогда никто не читал. Лично меня это не удивило, но вряд ли это следовало считать нормальным.

В конце 1988 г. ко мне обратился питерский социолог Вадим Семенович Гороховский с предложением организовать независимую исследовательскую организацию, работающую на коммерческой основе. Одновременно с таким же предложением он обратился к социологу Андрею Алексеевичу Вейхеру. Предложение вызвало у нас удивление: чтобы создать новую научную организацию, нужно было получить специальное разрешение Совета Министров СССР. Однако человек

необычайной энергии и целеустремленности Гороховский добился встречи с председателем плановой комиссии Ленгорисполкома В. Большаковым и получил его согласие. Были подписаны соответствующие документы. Организация была создана, и я перешел в нее на должность заместителя директора по научной работе. К нам с Вадимом присоединился А. Вейхер, затем И. Гурвич. Несколько позже закон потребовал от нас переоформления статуса организации. Потребовалось наличие Учредителей. Тогда нашим учредителем стала Ленинградское отделение Советской Социологической Ассоциации. Мы стали называться СНИЦ – Социологический Научно-Исследовательский Центр. Этот период жизни заслуживает отдельного рассказа – абсолютно новый опыт научного и делового существования без «ценных указаний» сверху, без плановых заданий и бюджетного финансирования.

Ни ты, ни твои коллеги никогда ранее не проводили электоральные опросы и не занимались изучением рынка. Времени на обучение не было, все делалось «с колес». Какие были проблемы, как вы их решали?

Действительно, много делалось «с колес», что-то «по наитию». Но все мы имели большой опыт проведения социологических исследований, как бы они в то время не назывались.

Добавлю к этому еще один малоизвестный факт своей и не только своей биографии. Я вместе с коллегами по НИИКСИ в январе 1986 года я провел первый в Питере телефонный опрос. Не помню, как возникла идея обратиться к «телефонной технологии» сбора информации. Мы знали о таких опросах за рубежом, но сами опыта не имели. Интервьюерами были сами исследователи, звонили с институтских телефонов, все делали кустарно, как могли. Но опыт приобретался, а вместе с опытом появились и важные вопросы, ответы на которые тоже составили часть развития и становления «телефонной методологии».

Что касается теоретической, методологической и коммуникативной базы исследований, то нам повезло: в то время уже не было критического дефицита литературы и профессиональных обменов.

Ты задал вопрос об опыте политических исследований и электоральных опросах. Действительно, они составляли значительную долю тех работ, которые мы проводили. Скажу, что опыт социологического сопровождения избирательных компаний приобретался вместе с самой практикой проведения демократических выборов. Облегчало дело несколько обстоятельств. Во-первых, электоральные опросы это лишь разновидность опросов общественного мнения. Под тем или иным обличьем эти опросы проводились и прежде, и самое главное, существовала литература, которой можно было пользоваться: работы Б. Грушина и В. Шляпентоха, Ю. Левады, и, конечно, В. Ядова. Не всегда исследования этих авторов специально были посвящены опросным методологиям, но они давали необходимые основы для получения и анализа данных. Кроме того, в профессиональных кругах ходили книги на иностранных языках и рукописные издания книг западных авторов по методологии и практикам опросов общественного мнения, статистическим и опросным процедурам, проблемам выборки и оценки надежности данных. В круге чтения была и твоя книга по надежности данных.

С моей точки зрения, в главном разработка методологии опросов общественного мнения по электоральной и политической тематике принципиально не отличалась от разработки общей опросной методологии и техники. Действительная роль политических и электоральных исследований, говорю об этом со всей серьезностью, прежде всего, состоит в том, что именно политические и электоральные исследования стимулировали появление рынка исследовательских практик, на котором выяснялась реальная, а не фальсифицированная цена социологического «продукта», и да пусть меня простят коллеги, и самих социологов. Этот рынок с самого начала отличался высоким

уровнем конкуренции и потому порождал наиболее эффективные практики работы. Распространяясь на все виды социологических исследований, он стимулировал такие процессы, как использование наиболее перспективных методологий и техник работы, применение новых компьютерных технологий сбора и обработки данных, и все это делалось в силу имманентных, а не административных или инициативных причин. Уверен, что рыночные исследовательские практики дали толчок развитию российской социологии, который коснулся и не рыночных секторов нашей науки. Для меня в этом подлинное значение развития политических и электоральных исследований.

Теперь — о наших проблемах. Поначалу, все было проблемой. Найти заказчика, подобрать и обучить интервьюеров и супервайзеров, наладить процедуры сбора и обработки данных, снять офис, привлечь на свою сторону общественное и профессиональное мнение — проблемам не было числа. Три первых месяца работали без всяких доходов — все расходы производились из своих собственных денег, залезали в долги. Упорство, не желание отступить, поддержка коллег, в том числе из Ассоциации — все это определило работоспособность организации и ее успешность.

Как ты тогда позиционировал свою деятельность? Брался за все или были какие-то особые направления, которые были для тебя главными?

Объектами творчества и коммерции стали самые горячие темы тех дней, рожденные перестройкой политических институтов, модернизацией экономики и социальных отношений. Работать было потрясающе интересно. Несмотря на то, что приходилось браться практически за любую тему, постепенно намечались относительно самостоятельные направления работы. Эти направления различались и типом применяемой научной методологии — опросы мнений и аналитическая работа с вторичными данными, статистический анализ, анализ публикаций в СМИ и т.п. — и объектами анализа: политика, экономика, экология, качество жизни, позже разные типы рынков. Мне кажется, что в целом с научными задачами мы успешно справлялись, чему в первую очередь способствовала квалификация специалистов Центра.

Однако с самого начала обнаружили и острые проблемы. В частности, наш опыт управления быстро устаревал из-за наступления новых времен. Это мешало нахождению внятной концепции управления экономикой Центра, обеспечению роста доходов, рациональному расходованию средств. Отсутствовали эффективные инструменты продаж наших «услуг». Не хватало экономических знаний и опыта хозяйствования. Самый грамотный в этих вопросах социолог В. Гороховский стал Генеральным директором СНИЦ. С отношениями в коллективе после избрания В. Гороховского руководителем организации и связана первая производственная драма, характерная для многих самоуправляемых организаций того времени. Вадим справедливо привлекал наше внимание к проблемам экономики и финансового управления, умению «считать деньги», однако предлагавшаяся им модель управления нам казалась вполне советской, как тогда говорили, командно-административной. Мы полагали, что функцию финансово-хозяйственного менеджмента следовало отделить от управления процессом исследования, отдать гендиректору хозяйство и финансы, а исследовательский процесс осуществлять на началах самоуправления. Но в этой схеме исчезал «главный менеджер», осуществляющий общий контроль над работой организации. Вадим не мог с этим согласиться. По-видимому, кроме психологических причин, были здесь опасения того, что организация останется без управления, обеспечивающего успех. Возник конфликт, в котором каждая из сторон считала себя правой. Как и в каждом конфликте, в нем проявилась эмоциональная сторона, взаимные подозрения, упреки, обиды, обвинения. Коллектив принял решение об освобождении Генерального директора от должности. Другой роли Вадим не принял и ушел из компании. Меня избрали Генеральным директором. Сейчас я

думаю, что человеческая драма явилась следствием организационного конфликта: обе стороны — коллектив и директор — не смогли внятно объяснить друг другу, в чем объективная природа конфликта, какие организационные преобразования могли бы вывести конфликт на цивилизованный путь. К сожалению, этого не случилось, и уход Гороховского не снял проблемы. Хотя работы было в то время достаточно, проблемная ситуация сохранялась. И мой подход к управлению во многом базировался на прежнем опыте, на представлении об экономике, как об «управлении расходами».

Экономика зарабатывания денег требовала других знаний, других навыков и инструментов управления, они приобретались тяжело, методом проб и ошибок. В какой-то степени все мы люди с академической карьерой, пришедшие в тот период в бизнес, пережили синдром В.Черномырдина, который, будучи Председателем Советом Министров РФ, управлял экономикой страны и параллельно обучался основам рыночной экономики.

Думаю, вы были одними из первых (первыми) в городе, кто начал осваивать САТІ. Как это происходило? Когда начались переговоры с Финским Гэллапом о создании в Петербурге их филиала?

Так вышло, что, если первое знаковое событие — «драма», о которой я рассказал выше, случилась со мной в начале работы в новой организации, то второе — ознаменовало конец.

В 1991 г. мне было ясно, что работа преимущественно в сфере исследований социальных и политических проблем не позволяла развивать финансовый успех компании не только по «внутренним» причинам, но и по «внешним». Не был сформирован полноценный рынок информационно-аналитических услуг, местные правительственные структуры работали в основном с академическими институтами и «проверенными» специалистами. Новых институций и новых лиц боялись, им часто не доверяли. Бизнес только начинал долгую дорогу собственной социально-политической идентификации. Политики проявляли интерес к исследованиям только по поводу выборов, а средства массовой информации предпочитали получать социальную информацию бесплатно. Предложение превосходило спрос. Доходов для накоплений и реинвестиций не хватало. А ведь требовалось также переобучение персонала и лучше это было делать в зарубежных образовательных центрах, где можно было познакомиться с лучшими исследовательскими практиками. Необходимо было обновлять оборудование, улучшать офис, что в условиях непрерывного роста арендной платы сделать было не просто. На все это не хватало средств. Требовался финансовый партнер, лучше зарубежный, который предоставил бы инвестиции в развитие.

В этот период ты и Борис Максимович Фирсов познакомили меня с Лейлой Лотти — директором финской компании «Суомен Гэллап», замечательной женщиной, менеджером и исследователем, добрым и отзывчивым человеком. Я рассказал Лейле о нашей компании. Она, как стало ясно позже, искала партнера в России. Лейла сделала нашей компании несколько заказов на исследование рынков. Качество нашей работы, по-видимому, ее удовлетворило. Через несколько месяцев, прошедших после нашего знакомства, она предложила мне поставить в СНИЦ компьютерную систему телефонных опросов — САТІ, которая позволяла существенно повысить качество и оперативность проведения телефонных опросов и была бы в то время первой такого рода системой, установленной в Петербурге. Естественно, что такое предложение предполагало участие финского партнера в капитале нашей компании. Мне казалось это справедливым, и я предложил нашим сотрудникам, которые вместе со мной к тому времени являлись акционерами СНИЦ, принять соответствующее решение. Однако я получил отказ. Я провел переговоры с финским Гэллапом относительно открытия в Петербурге филиала компании. Идея была поддержана финскими партнерами.

В 1995 г. была открыта дочерняя компания финского Гэллапа — АОЗТ «Санкт — Петербург Маркет Фактс» (впоследствии ЗАО «Гэллап Санкт - Петербург»), я стал ее директором.

Для меня эта история стала еще одним уроком. Когда СНИЦ акционировался, мы разделили акции между всеми сотрудниками практически поровну, как говорится, по справедливости. Вскоре потребовалась модернизация компании и привлечение для этого ресурсов, но руководитель не мог принять решение, его доля голосующих акций лишь немногим отличалась от долей других акционеров. Главный урок состоял в том, что на начальной фазе модернизации увлечение догматами народного капитализма служит дурную службу. Люди хотят все, сразу и поровну. Высокая концентрация капитала в одних руках способствовала бы появлению ответственного собственника, готового рисковать. «Справедливое распределение акций» препятствовало модернизациям. Эта болезнь в определенной степени коснулась и нашего коллектива. Моя ошибка состояла в том, что я, хотя и после споров и дискуссий, пошел на такую схему акционирования, несмотря на то, что прекрасно понимал степень риска. СНИЦ — действующая компания, пусть ее менеджеры и те акционеры, которые в ней уже не работают, сами решат, кто был прав в том давнем споре.

После СНИЦ началась эпоха Гэллапа...

Дочерняя компания финского Гэллапа начала свою деятельность в Петербурге в 1995 г. Она несколько раз меняла свое имя, пока учредители компании не остановились на имени «Гэллап — Санкт Петербург», под которым она была зарегистрирована и существовала до дня реорганизации. Я стал Генеральным директором компании. Это было самое лучшее время в моей трудовой жизни, как с точки зрения профессионального самоутверждения, так и с точки зрения освоения принципиально нового опыта: делового и человеческого. Я познакомился с новым опытом корпоративного строительства в масштабе большой исследовательской организации, ведь финские учредители имели дочерние компании в Москве, Украине, странах Балтии. Я познакомился с высокой и новой для меня корпоративной культурой управления и ведения исследований. Я познакомился с людьми — менеджерами и собственниками, которые олицетворяли для меня новый европейский стиль делового общения и решения возникающих проблем, наконец, я познакомился с Финляндией — страной, которая стала мне очень дорога, где отношение к людям, образ жизни и отношение к труду я до сих пор считаю образцовыми. Говоря о людях, с которыми мне пришлось работать, не могу не упомянуть Л. Лотти, Й. Йокинена, М. Хирванена. Также я имел удовольствие познакомиться с Т. Периллой, также представлявшей в то время финский Гэллап; с ней мы сохранили дружбу до настоящего времени.

Я получил опыт строительства и управления большой исследовательской компании в Петербурге, в нем было много и негативного и позитивного, опыт пользования знаменитым международным брэндом, которое открывало многие двери. Благодаря своей работе, я сотрудничал со многими яркими петербургскими и московскими экспертами, политиками, журналистами и чиновниками. Особенно отмечу знакомство с Анатолием Александровичем Собчаком, с которым мы обсуждали политические проблемы после его возвращения из Парижа, и с Галиной Васильевной Старовойтовой. Мне безмерно жаль, что их уже нет с нами.

Тогда я вновь позволил себе расширить область профессиональных увлечений. Осваивал методы и технику исследования рынков, стал глубже понимать проблемы социологии политики, и, прежде всего, электоральной политики, постигал новые для себя качественные методы, такие как фокус-группы, концептуальные тесты, глубинные интервью. Сожалею о том, что тот период в 2002 г. окончился.

Примерно, за год у материнской компании, по-видимому, возникли финансовые

трудности. Финские учредители продали часть своих акций крупной финской финансовой корпорации, а затем стало известно, что контроль над финским Гэллапом перешел к TNS – крупнейшей международной исследовательской корпорации. За этим последовало репрофилирование и закрытие некоторых из дочерних компаний финского Гэллапа, усиление финансового менеджмента и ориентации на прибыль концерна. Петербургской компании было предложено стать полевым партнером московской компании Gallup Media Russia, расширяющей свою деятельность в Петербурге. Фактически речь шла об использовании петербургской компании в качестве «сборщика данных» для московского офиса. Это не соответствовало ни научным амбициям, ни уровню квалификации большинства персонала. Ими было принято решение об уходе из компании. Конечно, не последнюю роль в принятии TNS решения сыграло то, что доходы Петербургского Гэллапа не шли ни в какое сравнение с доходами московских компаний группы, ориентированных «матерью» целиком на маркетинговые и медиа-исследования – наиболее лакомые куски исследовательского рынка. Но при этом не были учтены ни особенности петербургского рынка, ни особенности и стратегическое значение позиционирования нашей компании как исследователя общества, политики и качества жизни. И сейчас, и тогда была две правды: правда TNS и наша правда. С моей точки зрения, сохранение прежнего позиционирования компании позволило бы ей стать серьезным фактором политической и деловой жизни Петербурга и, благодаря этому, начать приносить собственникам солидные дивиденды.

Какими в этот период были «личные творческие планы», что удалось и что не удалось сделать?

Отмечу четыре главных направления.

Во-первых, исследования проблем российских модернизации, реформирования социальных, политических и экономических институтов. Хотелось понять смысл, эффекты и возможные сценарии их осуществления.

Во-вторых, появился интерес к теории и исследовательским практикам бизнеса, прежде всего, к использованию социологических методов в маркетинговых и рекламных исследованиях. Особенно интересной мне казалась теория корпоративного гражданства, социальной ответственности бизнеса, в которой обнаруживались ответы на многие вопросы социологии бизнеса. Думаю, мне удалось сделать по этим вопросам ряд важных публикаций в новых деловых журналах, таких как «Топ – менеджер», «PR – диалог» и др.

Третьим направлением работы явилась политическая социология, и, прежде всего, ее электоральные аспекты. Интегрирующим стал интерес к проблеме «публичного бытия социологии», то есть социологии, встроенной и живущей по законам публичной жизни, журналистики, политики, повседневности. Особенно важной в этой части является функция социологии как выразителя интересов различных социумов, взаимодействующих в социальном пространстве. Тот, кто внимательно следил за эволюцией социологии, вероятно, согласится со мной, что она выполняла и продолжает выполнять важную функцию в диалоге власти и общества, в наведении мостов между различными социальными акторами. Я старался уяснить место и роль социологии в обуреваемом конфликтами петербургском сообществе, раскрыть причины, мешающие наведению мостов и роль социологии этом процессе. Наконец, я продолжил публикации по тематике качества жизни применительно к разным объектам и сферам жизнедеятельности города. К моменту моего ухода из компании мною было опубликовано свыше 150 работ. Активно участвовал в различных конференциях, семинарах, круглых столах.

Давай вернемся к «Гэллапу». Как бы ты оценил роль этой компании в развитии социологических исследований в Петербурге?

Эту роль трудно переоценить. Хотя «Гэллап» не был первой компанией в Петербурге, проводившей социологические исследования на коммерческой основе, именно ее деятельность положила начало регулярного и публичного сканирования общественных, политических, экономических проблем, связанных с социальными и экономическими трансформациями, становлением бизнес-процессов в городе. Мы поставили на поток проведение опросов общественного мнения по большинству актуальных проблем, стремились подвергать углубленному анализу развитие социальной и политической ситуации в городе, публично презентовали результаты в средствах массовой информации.

Многие из этих исследований проводились «за свой счет» и отнюдь не только потому, что это для нас становилось рекламой, мы видели в этом свой общественный долг. Мы первыми в городе стали использовать современные технологии и программные средства, значительно повышающие эффективность исследований. «Гэллап» дал толчок распространению современных компьютерных технологий сбора, обработки и анализа данных, таких, например, как CATI и CAPI. В исследовательской практике мы способствовали широкому распространению так называемых качественных методов, фокус-групп, различных тестирований, неформализованных интервью. Появление в Петербурге компании со столь мощным, пользующимся международной известностью брендом, собственная деятельность компании, отмеченная рядом ярких достижений, обусловили ее высокую известность в городе и авторитет. Компания становилась одним из влиятельных акторов социального пространства города, к ее мнению прислушивались, с ее выводами считались. Политики, журналисты, депутаты и администраторы уже не могли не учитывать результаты исследований и опросов общественного мнения при принятии решений.

Авторитет нашей компании влек за собой рост авторитета других социологических компаний и организаций, хотя, очевидно, что пользователи часто не различали социологические исследовательские практики и академическую работу социологов, все называя социологией. Пусть! В целом рос интерес и значимость результатов социологического творчества и институтов этой науки. Сейчас в Петербурге, едва ли не каждый день сталкиваясь с публикациями, использующими результаты исследования мнений и выводы из осуществленных исследовательских проектов, обращая внимание на постоянные апелляции руководителей и представителей общественности к мнениям социологов по всем горячим общественным событиям, участвуя в множестве круглых столов, конференций и семинаров, на которых присутствие социологов стало обыденным, я думаю — начало этому положил «Гэллап».

Компания «Гэллап—Санкт-Петербург» заставила политические, административные и бизнес круги прислушиваться к общественному мнению, а население уважать результаты исследований социологов. С появлением компании «Гэллап» в Петербурге было положено начало созданию полноценного рынка социологических услуг, наметился правомерный водораздел между академической социологией, независимыми некоммерческими научными объединениями и исследовательским бизнесом социологов. Начали внедряться конкурентные принципы в работу институтов «социологического рынка», включая образовательные учреждения. Воспитанные в конкурентной среде, в атмосфере свободного творчества сотрудники компаний, в своем большинстве молодые люди, демонстрировали образцы высокопрофессиональной работы и успешных карьер. В первую очередь это относилось к компании «Гэллап»: кажется, в Петербурге нет в настоящее время сколько-нибудь известной социологической компании, которую не возглавляли или в которой не работали бы люди, прошедшие школу «Гэллапа». Наши достижения и

неудачи способствовали профессиональному росту социологов и обучению способам деятельности, гарантирующим успех.

С какими проблемами сталкивался «Гэллап» в работе, что создавало трудности?

Проблем и трудностей было немало, частично они имели объективные основания, частично возникали из-за ошибок менеджмента. Мы работали на петербургском рынке, капитализация которого не шла ни в какое сравнение с московским, да и не только с московским. Компания, ориентированная на финансовый успех, должна была следовать логике российского рынка: хочешь успеха — становись московской «колонией». Собственный рынок был весьма ограниченный, а Москва непрерывно и в больших объемах заказывала полевую работу, диктуя цену и определяя стандарты ведения работ.

Между тем, миссия организации, носящей имя Гэллапа, не позволяла становиться чисто полевой компанией, ориентированной исключительно на коммерческий успех и зависимое партнерство с более сильными компаниями. Мы не могли не проводить опросы общественного мнения, благодаря которым и возник брэнд, не могли не исследовать электоральные процессы, не оценивать развитие общественно-политической ситуации, не заниматься исследованиями эффективности рекламы. К тому же эти темы входили в круг профессиональных интересов и умений большинства специалистов компании. Так что независимая, самостоятельная деятельность компании с акцентом на ее социальную миссию, диктуемую брэндом, стало нашим выбором. Однако было ясно, что настоящие деньги зарабатывались лишь на быстро растущем рынке маркетинговых и особенно медиа-исследований. Мы старались работать во всех направлениях, развивать маркетинговые исследования, но при этом сохраняли основное позиционирование компании. С точки зрения ведения бизнеса, это была рискованная стратегия.

По настоящему успешная работа в двух основных сегментах информационно-аналитического рынка требовала больших ресурсов, очень крупных инвестиций, на которые наш учредитель не мог или не хотел идти. Могла быть также иная стратегия: реорганизация компании, диверсификация бизнеса. Ни то ни другое сделано не было, и это наложило существенный отпечаток на скорость и масштаб экономического развития компании, на рост доходов персонала.

Ты можешь задать вопрос, почему учредитель со 100% участием не предпринял попытку изменить стратегию своей работы на петербургском рынке, ведь в конечном итоге это была его задача. Дело в том, что учредитель предоставил менеджменту компании карт-бланш и не особенно стремился вмешиваться в его работу. Он уже имел две успешные московские компании, одна из которых была занята маркетинговыми исследованиями, другая — медиа. Учредитель мог позволить себе дать возможность менеджменту нашей компании «поискать рыночную нишу», соответствующую условиям успешного ведения бизнеса в Питере. Кроме того, он не возражал против нашего позиционирования, но решительно не хотел вмешиваться в политику и социальные пертурбации в другой стране. Стратегический поиск он передал в руки питерского менеджмента, надеясь при необходимости получить сигнал от Генерального директора, который должен был направлять решения учредителя. Мне же в тот период казалось, что стратегия, которую я для себя определил как наилучшую приведет к быстрым и успешным финансовым результатам при сохранении универсального характера работы компании, поэтому я не спешил с «отмашкой».

О какой стратегии ты говоришь?

Это очень важный вопрос. Казалось бы, занимая почти монопольное положение на рынке социологических услуг, мы могли диктовать ему свои условия, расширять

свою долю и собирать хорошую прибыль. Только вот проблема заключалась в том, что пространство, где мы работали, еще трудно было назвать в настоящем смысле рынком. Монопольным клиентом (если говорить о солидных заказах) было государство, различные институты власти, которые обладали необходимыми финансовыми ресурсами. В тот период заказы по большей части распределялись без конкурса, исполнителями становились в большинстве случаев научные учреждения, принадлежащие тому же самому государству. Чтобы быть причастным к этой системе, надо было либо становиться частью этой научной инфраструктуры, либо, работая, учитывать интересы заказчиков.

Независимое существование вызывало подозрение и недоверие и у власти, и у оппозиции того времени. Независимыми заказчиками можно было с полным основанием считать иностранные организации и наши СМИ. Однако спрос на социологическую информацию со стороны иностранных заказчиков в Питере был невелик, а СМИ предпочитали бартер: информацию в обмен на рекламу на их страницах. Для меня стало очевидным, что нельзя заставить власть финансировать исследования на наших условиях и отказаться от халявы и халявщиков, если сам не становишься «властью», то есть человеком, обладающим способностью «вмешиваться в цепь событий, чтобы что-то изменить».

К 2000 г. я занял определенное место в деловых, профессиональных и политических кругах города, об этом свидетельствовал, в частности, рост предложения работ со стороны серьезных клиентов, и это же давало мне надежду, что я и впредь буду деловым партнером многих потенциально важных для нашего рынка заказчиков. Но я ошибся с оценкой скорости входа серьезных клиентов на рынок, скорости формирования потребности в социологических знаниях с их стороны и понимания важности объективной оценки проблем. Фактически только сейчас с другой организацией я пожинаю плоды своей стратегии, но на момент реорганизации компании нужного для новых хозяев уровня финансовых достижений не было достигнуто, значит, не было главных для них аргументов сохранения позиционирования компании.

Является ли избранная мною стратегия универсальной? Думаю, что нет! Скорее она является альтернативной процессу развала компании при заданном позиционировании, разделению ее бизнеса. Стоило ли препятствовать ее специализации, работе в узком сегменте рынка для быстрого достижения высокого финансового успеха? Не знаю. Я до сих пор уверен, что если бы удалось достичь понимания с учредителями — старыми и новыми — в отношении стратегии работы компании на петербургском рынке, то она сохранилась бы в прежнем позиционировании, сохранила бы универсальный характер и прибавила бы в своих финансовых показателях.

Все начинаю снова...

Какими были твои следующие проекты?

Ко времени ухода из «Гэллапа» у меня уже была собственная небольшая семейная фирма, занимавшаяся исследованиями исключительно в сфере туризма. Сегодня — это достаточно большая компания «Агентство Социальной Информации» (АСИ), успешно оперирующая на петербургском рынке социологических и маркетинговых исследований. Определенную роль в ее становлении в «постгэллаповский» период я сыграл, правда, основные её успехи пришли благодаря собственному менеджменту компании. Я был главным образом занят в других проектах, увлекался новыми темами исследований и организационными проектами, сотрудничал и консультировал различные организации коммерческие и некоммерческие фонды, СМИ и бизнес.

Создается впечатление некоторой всеядности...

...согласен! Когда я думаю о своей научной идентификации, то вот какие мысли

приходят. С молодости до нынешних дней люблю живое общение, люблю участвовать в обменах мнениями. В студенческие годы и в научной работе любил дискуссии, участие в семинарах и конференциях. Любил предлагать казавшиеся мне инновационными решения и идеи и не жалел расставаться с ними, отдавать другим. Процесс больше нравился, чем результат. Мне была тягостна кропотливая работа с литературой: не с уникальными инновационными публикациями, поражающими воображение, а именно дотошное изучение массы источников, застольная научная работа, без которой трудно представить себе труд академического ученого.

Мне удавались прогнозы, построенные на минимуме информации. Эти прогнозы могли касаться макросоциальных изменений или судьбы отдельного депутата на выборах, но часто они бывали точны. Я вряд ли был бы способен создать развернутую научную теорию, но выдвинуть и обосновать новаторскую идею или решение у меня получалось. В бизнесе такой тип специалиста именуется консультантом или экспертом. С этой точки зрения, я бы назвал себя социологом-консультантом, или социологом-экспертом.

Мне нравилось не только созерцать, но и участвовать в социальных изменениях, ставить практические цели и добиваться результатов. В давние годы учебы я участвовал в издании факультетских газет, за которые не раз был бит парткомом, и организовывал студенческие научные конференции. В НИИКСИ я увлекся практикой планирования социального развития, и мне нравилось постигать методы управления городом. А самому было очень интересно управлять научным коллективом.

Сейчас я занимаюсь общественной деятельностью, публикую результаты опросов и выступаю в СМИ как политический эксперт. Мне нравится публичная деятельность, ибо она может способствовать положительным социальным изменениям, хотя я понимаю, что в большинстве случаев мои надежды тщетны.

Я многое понял, читая твои работы о великих американцах — основателях опросной методологии и родоначальниках изучения общественного мнения. Я обратил внимание на то, что их вряд ли можно отнести к тому типу ученых, который получил широкую распространенность в Европе. Как правило, их научные (аналитические) интересы переплетались с интересами к деятельности в областях журналистики, бизнеса и политики, и эти переплетения часто создавали кумулятивный эффект — в виде высоких индивидуальных достижений и общей эффективности. Сейчас таких людей чаще называют консультантами, экспертами, но никак не кабинетными учеными. Мне близка подобная идентификация, хотя, конечно, я не сравниваю себя с великими американцами.

Каков твой опыт взаимодействия с частным бизнесом?

Все бизнесмены, которые вместе со мной создавали новые организации, были очень разными людьми, по характеру, по стилю принятия решений, по методам ведения бизнеса. Но было и то, что их объединяло. Они очень успешные бизнесмены, достигшие серьезных результатов в своих бизнесах: консалтинговом, медийном, торговом. Это люди, несомненно очень талантливые, имеющие хороший уровень общей культуры и знания, необходимые для ведения бизнеса. Не говоря уже об их природной хватке, силе и уме. Однако была общая черта, которую я интерпретирую как негативную. Многие наши бизнесмены мне напоминают лилипута из известного анекдота, который, женившись на баскетболистке, всю ночь ходил по ней и говорил: «Это все мое!». Занятие интересное, но я бы сказал не функциональное. Бизнес по своей философии и «телу» больше, чем любой отдельный бизнесмен. Теоретически наши капиталисты понимают, что существует разделение функций собственников и менеджеров, сфер стратегического управления и стратегического маркетинга и текущих управленческих функций, только вот в практике управления они редко учитывают это

разделение.

В чем тут дело, то ли в старых привычках, то ли в новых страхах, то ли еще в чем, но всем этим людям необходимо управлять всем и вся. Для меня это обернулось тем, что я становился неравноправным партнером, а предметом полезного использования. Совсем как в прошлые времена. Разделить дело так, чтобы работать на общую цель, но каждому заниматься своим делом, не получалось. Главным собственным достижением этих лет я считаю финансовую и профессиональную самостоятельность, которые позволяли мне выходить из ситуаций, которые казались бесперспективными. Постгэллаповское время не прошло зря. Было много творчества, интересных дел, достойных доходов и интересного общения. Были реализованы уникальные творческие проекты, решены многие важные проблемы. Сейчас я в качестве собственника управляю бизнесом АСИ, являюсь независимым специалистом, консультирую политиков и предпринимателей, выступаю в качестве эксперта.

Теперь спрошу тебя о твоей работе со средствами массовой информации, у тебя большой опыт подобного сотрудничества.

Да, это очень большая часть моей жизни и работы. Мне даже трудно сказать, какое количество интервью и комментариев я дал средствам массовой информации, сколько опубликовал статей в газетах и популярных журналах. К тому же мне пришлось вести колонки в ряде газет, особенно ценна для меня работа на питерских страницах газеты «Известия» — одной из немногих газет близких мне по духу. Сейчас постоянно комментирую результаты исследований в газете «Санкт-Петербургский Курьер».

Наиболее интересным для меня явилась работа на ТВ. В начале 2004 г. телекомпания СТО пригласила меня в качестве автора и ведущего в программу, которую мы назвали «Мнение Петербурга». Еще одним соавтором и ведущим стал журналист Виталий Шиншин. Кажется, это одна из тех редких программ, которые целиком были посвящены рассказу о мнениях жителей Петербурга по самому широкому спектру проблем — политических, экономических, культурных и повседневной жизни. В этой еженедельной программе ведущие знакомили телезрителей с мнением политиков, общественных деятелей, экспертов и обычных граждан по волнующим их проблемам, а также публиковали результаты профессиональных опросов общественного мнения по этим же проблемам. Подготовка и ведение программы доставляло мне истинное удовольствие, хотя хлеб этот не казался мне легким. Участники программы представляли различные точки зрения на любую обсуждаемую проблему, открыто комментировали события, освещая их так, как им они представлялись, давали различные оценки. «Мягкие» комментарии ведущих становились частью этого диалога, они вплетались в ткань общей дискуссии. Это давало возможность телезрителям выслушивать всех и вырабатывать свою точку зрения. К сожалению, серьезные финансовые проблемы привели телекомпанию к необходимости сворачивать вещание. Большое число программ было закрыто. Одной из последних была приостановлена работа программы «Мнение Петербурга». Надеюсь, что владельцы канала найдут выход из положения и вернут эту и многие другие программы в эфир.

Должен ли быть социолог публичной личностью?

Исследовательский бизнес, которым я занимался, требовал участия в рекламных и имиджевых акциях. Без этого не было бы успеха в делах. Но я был бы неискренен, если бы свел все дело исключительно к деловой мотивации. Должен сознаться, что в моих поступках присутствовало стремление к общественной пользе, так как я ее понимал. Мне казалось, что право граждан на информацию должно обеспечиваться и в отношении, той информации, которую получают социологи. Граждане должны знать о точке зрения или о точках зрения профессионального социологического сообщества

на события их жизни. Меня можно обвинить в мессианских наклонностях. Возможно, что это так: по моему, никто до конца не знает, почему он следует той или иной жизненной стратегии. Я не исключение! Вот только, я рассматриваю это как свой долг, абсолютно не считаясь с тем, изменится ли после этого мир или останется прежним. Как говорил герой замечательного кинофильма «Мимино», – «я ТАК думаю!» Но дело, в конце концов, не во мне. Дело в том, каким должно быть поведение социолога в публичной сфере и должна ли вообще им осуществляться публичная деятельность. Я не собираюсь полемизировать с некоторыми моими коллегами о миссии социологии, социологических институций и отдельных социологов. Если кому-то из моих коллег кажется, что социология исключительно академическая научная деятельность и круг общения по профессиональным вопросам должен быть ограничен научным сообществом, я не стану спорить. Просто у меня другая точка зрения. Кроме того, не я один активно занимаюсь публичной деятельностью. Многие мои российские коллеги участвуют в качестве экспертов в обсуждении важнейших социальных, политических и экономических проблем на различных, и не только научных, форумах, активно участвуют в деятельности СМИ. Это особенно касается тех коллег, которые занимаются полстерской деятельностью, которую трудно представить без публичного диалога с политиками, государственными деятелями, журналистами и общественными активистами. Московское социологическое научное сообщество, например, одно из самых публичных, и потому и самых влиятельных.

Я считаю, что необходимость и целесообразность публичной деятельности уже не предмет профессиональных споров, а вопрос частного выбора. Но признание это влечет за собой обсуждение правил и принципов публичной деятельности отдельных социологических институций и отдельных социологов. Мои взгляды на этот вопрос нашли отражение в «Профессиональном кодексе социолога», который я разработал для Санкт-Петербургской Ассоциации Социологов (СПАС) Этот кодекс, в разработке отдельных частей которого принял участие Виктор Воронков, был утвержден на Общем собрании СПАС и опубликован в журнале «Телескоп».

В Кодексе сформулированы следующие принципы профессионального поведения. Первый принцип касается политической деятельности и политических пристрастий социологов. Я считаю, что их необходимо исключить из публичных социологических практик. Личное мое отношение к политике проявляется на выборах, в дискуссиях с коллегами – политологами, на научных собраниях и конференциях. Я не скрываю того, что имею правые убеждения, что считаю правую идеологию наиболее эффективной и «человекоориентированной», что голосую постоянно за правых политиков. Но я делаю все, чтобы это никак не сказывалось на моей профессиональной деятельности и на представлении результатов исследований публике. Я ни прямо, ни косвенно не подстраиваю под чей-то интерес результаты исследований, и уж тем более не занимаюсь их фальсификацией. Считаю, что объективное знание может помочь людям, которые имеют полезные для граждан намерения, и воспрепятствовать тем, кто использует социологические исследования во зло. Второй принцип – это предоставление информации и консультаций всем организациям и лицам, которые имеют законные права получать и распространять информацию, независимо от личных симпатий или антипатий исследователя. Социологическая фирма, особенно, если она работает на коммерческой основе, и отдельный социолог не являются «магазинами только для белых». Дело не в том, чтобы закрывать информацию от власти или, напротив, от оппозиции, от несимпатичных политиков или наоборот представлять информацию политическим силам, которым симпатизируешь, а в том – насколько объективны, полны и надежны результаты, которые ты представляешь. Для меня вопрос использования результатов (если только не уходить в специальные области ядерной энергетики или генетики и т.п.) лежит за пределами компетенции

исследователей и не подконтролен социологическому сообществу, за исключением тех случаев, когда результаты фальсифицируются политиками или используются для того, чтобы опорочить какие-то организации или людей, причинить им вред. Подобные прецеденты требуют немедленного вмешательства социологического сообщества. В Кодексе социолога описано, как следует вести себя социологическому сообществу в лице Ассоциации в этих случаях. Но исключения только подтверждают правила.

Следующий принцип состоит в том, что надо находить собственные ресурсы для проведения исследований по наиболее острым и актуальным проблемам нашего бытия и открытого и гласного обсуждения этих проблем. И дело не в том, чтобы исключить вполне цивилизованный принцип эксклюзивности в отношениях с клиентами, а в том, что исследования многих проблем представляет интерес для всего общества и могут не иметь конкретных «заказчиков». Долгое время доходы компаний, в которых я работал, позволяли создавать ресурсы для проведения подобных исследований «за свой счет». Это лучший путь. Но не всегда осуществимый. И еще один принцип: принцип «следования принципам», даже если на этом пути стоят серьезные препятствия. Такое случилось в 1991 и в 1993 гг., когда организации, которые я возглавлял, продолжали свое дело в условиях государственного переворота или развязанных оппозицией всполохах гражданской войны. Исследовали, опрашивали и сообщали о результатах. Скажу, что властям в тот период легко было принять решения, ибо общественное мнение, в том числе определенное в ходе социологических опросов, было на их стороне. Но трудный вопрос состоит в том, что делать, если оно было бы против. Публиковать результаты и выходить на площадь или не публиковать вообще? Конечно, жизнь есть жизнь, и иногда приходится поступаться принципами, но я стремился следовать им, независимо от того, как складывалась ситуация.

Как случилось, что результаты твоих многолетних исследований сознания петербуржцев не обобщены в книге?

Книга об этом — отложенный проект. Сохранились документы, сохранились материалы исследований, сохранились впечатления о событиях, сохранились намерения. И тогда, и сейчас не хватало одного: возможности без суеты и спешки посидеть за компьютером месяцев этак шесть, не меньше. То, что мне нравилось все это новое время: проводить исследования и заниматься бизнесом на исследованиях, практически не оставляет времени на осуществление больших литературных проектов. К тому же заметь, практикующего социолога никто не кормит, он сам зарабатывает себе на хлеб. Правда, в последнее время заметил появление внутренних импульсов — остановиться и подвести хотя бы промежуточный итог своим раздумьям. Посмотрим, удастся ли!

О важном понемногу

Большая часть твоей социологической карьеры состоялась в советские времена. Нет ли у тебя ощущения, что в то время ты работал в «социологическом гетто»?

И да, и нет. Конечно, если говорить об объективных границах наших возможностей, то ты нашел совершенно точное определение ситуации. Перед менеджментом любого обществоведческого института властью ставилась главная задача: осуществлять контроль за информацией, людьми и идентификацией науки как марксистско-ленинской. На это же работала и партийная вертикаль. Информация контролировалась «на входе» и на «выходе», селекцией источников и рецензированием работ, отбором «правильных» людей при найме на работу, при перемещениях кадров и при выборе кандидатов на заграничные поездки. Занятие определенных должностей требовало партийности и принадлежности к титульной нации. Все

научное творчество должно было быть сведено к развитию марксистской теории или использованию марксизма в качестве единственной методологической основы исследований. Все это обеспечивалось административным ресурсом, неформальным контролем, идеологическими практиками и партийными установками, действующими как закон. Но в тот период, о котором я говорю, обеспечить тотальный контроль уже было невозможно. Информация приходила по каналам, которые власти трудно было контролировать, например социологи многое почерпнули из статистической теории и методологии, в том числе из зарубежных переводных книг, необходимая информация поступала из источников, посвященных критике буржуазной социологии. Сейчас понятно, что некоторые из этих книг и создавались для того, чтобы предоставить специалистам нужную информацию. Официальным правилам подбора кадров, кадрового продвижения и занятия должностей противостояли институты знакомств, блата и социальных связей, а иногда и «покупка» должностей. Сложно было и с базовой научной идентификацией, ибо началась эрозия самих догматов, пошли разговоры о неоднородности марксизма. Толчек этим дискуссиям дали, в частности, работы Ильенкова и Батищева, фактически положивших начало ревизии марксизма с позиции «правильного марксизма», определявших ранние работы Маркса как «настоящий марксизм».

И в НИИКСИ можно было говорить и о специалистах, свято веривших в каноны, или цинично их использующих для обеспечения карьерных успехов, и о людях, стремившихся «творчески развивать марксизм», упомяну, например, талантливейшего Л.И.Спиридонова, который возглавил разработку темы: «Социализация личности как функция общества». Но были также ученые, и их было достаточно много, которые, делая ритуальные поклоны в сторону марксизма, занимались конкретными проблемами, используя для этого ту методологию, которая позволяла им их решать. Явно или не явно. Это, прежде всего, относилось к социальным психологам.

Понятно, что субъективно значительная часть специалистов отнюдь не рассматривали условия своей работы как условия «гетто». Возможно, что некоторые из них только в таких условиях могли делать научную карьеру. И было еще одно обстоятельство, которое нельзя обойти молчанием. Большинство начальников и рядовых служащих, по крайней мере, в нашем институте уже не очень-то хотели становиться церберами и доносчиками; медленно и малозаметно, но начали меняться общественные представления о хорошем и плохом, правильном и не правильном, достойном и не очень. Университет, в целом, и наш Институт, в частности, бывало, что и прикрывали «идейно провинившихся». Нескольких преподавателей «сослали» с факультетов в НИИКСИ, явно спасая от более серьезных наказаний. Думаю, что эти процессы можно было наблюдать и во многих других обществоведческих институтах. Начинался закат империи.

В.А. Ядов трактует марксизм как одну из составляющих базиса современной мировой социологии, однако многие российские социологи стараются дистанцироваться от марксизма. Что ты скажешь по этому поводу?

Не мне поправлять Ядова. Очевидно, у него есть резоны так утверждать. У меня другая точка зрения. Я полагаю, марксизм займет свое место в музее истории социологии, не более того. Он не прошел испытание историей. Ни один из догматов марксизма не был подтвержден исторической практикой. Отношение труда и капитала, классов, роль государства, экономический прогресс — весь этот круг проблем не только получил иные более точные трактовки, но и нашел и находит свои решения там, где Маркс видел непреодолимые противоречия. С точки зрения теории познания, марксизм страдал панлогизмом, пытаюсь выстроить универсальные и непротиворечивые конструкции там, где их принципиально, в силу открытого и

развивающегося характера общества и множества других причин выстроить было нельзя. Марксизм можно обвинить и в номинализме, философии, заимствованной из донаучных постулатов средневекового мышления. Народ, классы, пролетарии, общество, государство, эксплуатация — эти общие понятия являлись для марксизма не научными понятиями, а объектами реальной жизни, что стало методологическим и ценностным оправданием чудовищных административных практик и революционного разбоя. Марксизм в ряде случаев указал на реальные проблемы, ну и что? Достаточно ли этого, чтобы оправдывать чудовищно одномерное и далекое от жизни учение, породившее (и кажется продолжающее порождать) к тому же столь же чудовищные социальные практики. Я прожил большую часть жизни под знаменем «единственно верного учения», в школе, институте и на работе постоянно звучали марксистско-ленинские догматы. Я наблюдал освещенную ими жизнь во всей ее «красе». И не стоит мне говорить, что это, возможно, было извращение марксизма. Это была именно та жизнь, в которой нашли воплощения основные положения марксистской теории. Несвободная и бедная во всех смыслах жизнь. Дай Бог, чтобы моим детям не пришлось вновь жить такой жизнью!

Мой анализ текстов интервью с Б.Фирсовым, В. Ядовым, Б. Грушиным, Я. Гилинским и другими показывает, что в течение последних 15 — 20 лет все они сделали больше, чем за предыдущие годы работы. Думаю, что дело в ощущении свободы творчества. Чем бы ты объяснил это?

Я абсолютно с этим согласен. Как бы ни оценивать новые времена, но нельзя отрицать, что они принесли свободу творчества, о которой раньше приходилось только мечтать. Но я хотел бы заметить, что свобода для меня это не только внутреннее ощущение. Тогда пришлось бы признать правоту тех наших коллег, которые говорят, что они и при советах были свободны, внутренне свободны. Для меня свобода — это прежде всего совокупность реальных обстоятельств жизни: право получать и распространять любую необходимую мне информацию, высказывать в любой форме свои взгляды на тот или иной предмет, право читать и писать, что считаешь нужным, право беспрепятственно выезжать из страны и участвовать во всех научных форумах, куда тебя приглашают, заказывать и получать любые книги, знакомиться с точкой зрения любых авторов. Такая свобода — это воздух, которым дышит наука и который позволяет ей развиваться. Как бы ни критиковать нынешние порядки, но до последнего времени мы все это имели и, потому, и работалось ладно. Для меня свобода это то, без чего я лишаяюсь возможности заниматься своим делом, думать и жить.

Но можно задать себе и такой вопрос, кто в большей мере выиграл от наступления свободы, те, кого ты упоминаешь, или новые поколения исследователей-социологов. Кажется мне, что новые поколения выиграла в большей мере. У них возникла возможность получать качественное образование и не только за рубежом. Напомню о том, что в Петербурге, прежде всего усилиями Б.М. Фирсова, создан на европейские гранты и помощь города негосударственный Европейский Университет, который, с моей точки зрения, дает своим слушателям образование европейского уровня, готовит исследователей международного класса. Некоторые из них продолжают преподавать в Университете, готовят следующие поколения специалистов, в том числе социологов. Упомяну также Независимый Центр Социологических Исследований, который, благодаря своим создателям Виктору Михайловичу Воронкову и Эдуарду Афанасьевичу Фомину (ныне покойному), стал ведущим исследовательским центром города, объединившим талантливую молодежь. Есть и другие примеры институциональных изменений в инфраструктуре социологической науки, связанных с наступившей свободой. Результаты не замедлили сказаться. Сейчас в нашем городе можно назвать два десятка молодых талантливых специалистов, работающих на мировом уровне.

Природа наделила их талантом, но мастерами их сделала свобода.

Но спроси этих людей, как они оценивают условия своей работы, и большинство станет критиковать новые порядки и нынешние условия творчества. Человек всегда хочет иметь больше, чем он имеет. Или столько же, сколько имеют люди в других местах. Они молоды. У меня же есть что с чем сравнивать. Сравнение не просто в пользу нынешних времен, но просто эти времена невозможно сравнивать. Очень важно сохранить и преумножить эти достижения, а вот здесь есть большие тревоги и сомнения. Значит надо здесь и сейчас пользоваться тем, что имеем и защищать достигнутое.

Что ты скажешь о том поколении в российской социологии, кому сейчас шестьдесят. Это наше с тобою поколение. Мы только продолжили начинания отцов - основателей или пошли дальше, в чем наша «самость» или ее нет?

Трудно ответить на этот вопрос. Россия большая, и ситуация в Москве и Петербурге может, как небо от земли, отличаться от ситуации в других регионах. Кроме того, как у всех нас, у меня свой круг общения, как обстоят дела в «других кругах» не всегда можно знать. Я хорошо знаю питерскую ситуацию, отчасти московскую, но, что происходит в других регионах, почти не знаю. Вот с этими оговорками, все же должен сказать, что для меня твой вопрос не бессмыслен.

Проще всего говорить о молодом поколении социологов, живущих в Петербурге и Москве. Оно взяло все от новой жизни. Не буду повторять то, что уже сказал о нем, с чисто научной точки зрения это преуспевающее поколение. Много ли оно взяло от предыдущего, то есть нашего — не знаю, рискну предположить, что не много. Скорее оно базировало свой успех на установившихся в стране общих условиях научного творчества и профессионального роста.

И вот здесь настало время дать оценку «шестидесятилетним», почему их опыт оказался не вполне востребованным новым поколением. В большинстве своем это люди талантливейшие, высокообразованные и, как сейчас говорят, высококреативные. В Питере я в этот ряд, прежде всего, поставил бы тех, кто работал и работает в академическом Институте Социологии (специально не буду называть фамилии, чтобы по забывчивости не обидеть кого-то, не назвав), но не только. На это поколение объективно выпала сложная миссия. Кроме восстановления и развития традиций русской социологической школы, продолжения дела «отцов-основоположников», оно должно было обеспечить новое вхождение (возвращение «на равных») в мировое социологическое сообщество, участие российских ученых в мировой социологической элите. Двери для этого уже были открыты. Кажется, у них было все, что нужно, чтобы решать эти задачи, развивать науку и утверждать свое заметное место в ней (кстати, некоторые это сумели сделать, выехав из страны, или внутри, но я говорю о большинстве). Но в молодости им пришлось преодолевать условия несвободы, условия, к которым ты применил понятие «социологическое гетто», диктаторское вмешательство власти в науку и утверждение «единственно верного учения» в качестве канона с помощью, как бы сейчас сказали, «административного ресурса», и кризисы, пришедшие вместе со свободой в новые времена. Пережить экономический кризис, когда необходимо было думать, прежде всего, о хлебе насущном (мне рассказывали, что один известный питерский социолог, чтобы прокормить семью, до сих пор вынужден заниматься извозом), социально-психологический кризис или кризис идентификаций, неизбежный при радикальных изменениях общественно-экономических устоев, институциональный кризис, когда радикально изменялась организационно-хозяйственная структура научной деятельности и финансирования науки, наконец, парадигмальный кризис, когда коренным образом менялись общая идеология и система ценностей внутри страны, и социологические парадигмы в общенаучном

пространстве. На бытовом уровне это означало едва ли не ежедневную необходимость выбора траекторий жизни и творчества, выбора нового пути или модернизации старого. Ситуация не самая благодатная для творчества и профессионального самоутверждения. Некоторых она вводила в шок, некоторые просто останавливались, отдельные ученые уезжали. Поэтому это поколение не может похвастать научными достижениями, равными тем, которые демонстрировало первое послесталинское поколение советских социологов или тем более лидеры мировой социологии. Думаю, что лучшее, что сейчас может сделать поколение «шестидесятилетних», к которому я отношу и себя, это не сходить с пути, продолжать работать, преодолевая кризисы, и не мешать новым поколениям работать по тем канонам, которые они сами себе изберут, там, где они захотят, и в том направлении, которое им покажется правильным.

Если подводить некоторые итоги, то, чтобы ты назвал главным уроком, полученным тобой в жизни?

Коротко я бы сказал о следующем. Лично я стремился в жизни ни на кого не надеяться, делать свою жизнь по «самому себе», никому не создавать проблем без крайней надобности, никому не завидовать, не множить врагов специально, но не бояться их заработать, если делаешь то, что ты считаешь важным. И, как бы это пафосно не звучало, слушать зов судьбы и следовать этому зову. Да, еще: хорошо делать свою работу. Впрочем, здесь многое зависит от внешних обстоятельств. Мне кажется, что хорошо делать нашу социологическую работу можно только в условиях, когда общество в ней заинтересовано, когда оно видит в ней смысл. А общество нуждается в объективном знании, когда нет режима личной политической власти, когда не ограничиваются свободы и права человека, действуют конкурентные условия политической, экономической и научной жизни, доминируют демократические ценности при принятии решений. Когда власть находится с обществом в режиме равноправного диалога и партнерства, и их отношения по характеру не являются обслуживанием одного другим. А также тогда, когда внутри профессионального сообщества отсутствуют кланы малых и больших начальников, реализующих функцию обслуживания власти, или препятствующих равному доступу к ресурсам науки. Когда внутри творческой части нашего сообщества при решении сугубо научных проблем не возникает желание выносить «методологический сор из избы», апеллировать к «внешним силам», чтобы защитить свою позицию. Это все мешает, а иногда и просто исключает возможность эффективной работы. Я наивно полагаю, что наше профессиональное сообщество должно быть активно в защите и отстаивании этих принципов, ибо люди моего возраста хорошо знают к чему приводит их нарушение.

Литература

1. Могилевский Р.С. Проблемы качества жизни населения крупного города. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.